

РЕЦЕНЗИИ

Ю. В. Матвеева

ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ О РОССИИ И ФРАНЦИИ

Рец. на кн.: *Русские писатели в Париже : взгляд на французскую литературу, 1920—1940* : междунар. науч. конф. / сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тас-сис. — М. : Русский путь, 2007. — 488 с. : ил. — (Библиотека-фонд «Русское зарубежье» : материалы и исследования; вып. 8).

В научной серии «Библиотека-фонд “Русское зарубежье”» вышел новый и очень интересный сборник под названием «Русские писатели в Париже...». Сборник составлен по материалам международной научной конференции, состоявшейся в Женевском университете, а потому исследования и информация, представленные в нем, принадлежат поистине международному союзу филологов из России, Франции, Швейцарии, Италии, Польши, Канады, США, Израиля. Основываясь на разном литературном материале, реализуя разные методологические подходы, ученые проанализировали уникальный опыт вхождения, приобщения к западной культуре (главным образом — французской) писателей русского зарубежья. Невольно перекликаясь, взаимодополняя друг друга, оппонируя друг другу, 26 статей сборника в какой-то мере восстанавливают картину художественного и критического восприятия русскими писателями-эмигрантами французской литературы — французских авторов, новомодных литературных течений, французского языка.

Сразу в нескольких работах дан аналитический разбор эмигрантских периодических изданий, активно включавших в сферу своих интересов культурную и, конечно, литературную жизнь современной им Франции. Так, в статьях Н. А. Богомолова и А. А. Добрицына под разными углами зрения рассматривается рецепция французской культуры в известной эмигрантской газете «Последние новости». Н. А. Богомолов говорит о «французской теме» в первые годы существования газеты, когда политика на ее страницах объективно превалировала. Но даже в то время, делает вывод

исследователь, когда непосредственная и прямая реакция на французскую литературу была весьма ограниченной, публикации «Последних новостей» свидетельствовали о том, что русские критики, журналисты, писатели внутренне постоянно опирались на французскую литературу, историю и культуру, соотносили и сравнивали явления русской и французской жизни. Это, в свою очередь, «наглядно фиксирует особую роль и значение Франции, ее истории и культуры для русского мышления». В отличие от Н. А. Богомолова, А. А. Добрицын предложил другой принцип освещения той же темы — монографический. В своей статье исследователь говорит о выступлениях в «Последних новостях» Юлии Сазоновой, Владимира Вейдле, Георгия Адамовича. При этом ученый не только передает общее содержание анализируемых статей и рецензий, но выявляет, как эстетические и философские взгляды известных эмигрантских критиков проявились в их оценках французских писателей.

О том, насколько полно и разнообразно была представлена французская литература на страницах журнала «Звено», пишет Ж. Тассис. В его статье подробно освещается литературно-критическая деятельность Константина Мочульского, Николая Бахтина и особенно Бориса Шлецера — сотрудника «Звена», «который больше всех писал о французской литературе» и был одновременно сотрудником таких французских журналов, как «Ревю мюзикаль» («Revue musicale») и «Нувель ревю франсез» («Nouvelle revue française»). Особой заслугой «Звена» Ж. Тассис считает желание и стремление «освещать новейшую французскую литературу», а также неизменное внимание к М. Прусту и А. Жиду: «Если бы не усилия редакции “Звена”, “младшее поколение” эмигрантских писателей едва ли открыло бы для себя этих двух авторов, и даже шире — новейшую литературу той страны, где они жили».

Еще одному эмигрантскому изданию посвящена статья Р. М. Янгрова, и речь в ней идет о попытке М. Л. Слонима создать «Новую газету» — своеобразную площадку для диалога эмигрантской, советской и европейской литератур. Краткосрочная, но яркая судьба газеты, а также связанная с ней драматическая судьба самого Слонима переплелись в отдельный сюжет об эмигрантской жизни во Франции.

Пожалуй, максимального обобщения вынужденная адаптация русской эмигрантской литературы во франкоязычной среде достигла в статье Л. Ливака. Продолжая выдвинутую им в монографии «Как это делалось в Париже. Русская эмигрантская литература и французский модернизм» («How it was done in Paris: Russian emigré literature and French Modernism», 2003) концепцию масштабного влияния французской литературы на эмигрантскую, а в особенности на «молодую» эмигрантскую литературу, Л. Ливак весьма доказательно пишет о «франкоязычной деятельности российских изгнанников»: для писателей старшего поколения приводит статистику произведений, написанных ими по-французски или же переведенных на французский; выделяет и комментирует периоды «резкой интенсификации эмигрантской франкоязычной активности» (1920—1924, 1929—1934, осень 1938 — лето 1940); говорит о сотрудничестве эмигрантских писателей с такими издательствами, как «Галлимар» («Gallimard»), «Боскар» («Bossard»), «Плон» («Plon»). Нельзя не остановиться и еще на одном, почти не изученном аспекте русско-французских связей 1920—1930-х гг., который Л. Ливак затрагивает и освещает, — «эмигрантско-советской борьбе за души французских читателей». Можно соглашаться и не соглашаться с Л. Ливаком, но его тезис о том, что русская парижская эмиграция «выдвинула одной из своих задач наве-

дение мостов между цивилизациями и противостояние советской культуре путем сплава русских и французских традиций в искусстве и мысли», заслуживает внимания и, возможно, дальнейшего пристального изучения.

Феномен русского изгнания в его культурно-языковом измерении рассматривает Ж. Нива в своей статье «Пути языковой ссылки писателя-эмигранта». Как и Л. Ливак, Ж. Нива продолжает здесь уже выстроенную им ранее («Возвращение в Европу. Статьи о русской культуре», 1999) линию размышлений о русской культуре, где судьба и литературное наследие первой русской эмиграции активно включены в общую канву рассуждений о местоположении русской культуры между Европой и Азией. В данном случае на примере творчества Н. Оциупа и В. Набокова ученый пытается найти приметы особого эмигрантского языка, в котором независимо от того, что это будет за язык, французский, русский или какой-то другой «язык-одежда», всегда можно отыскать следы «перевербовки». Именно поэтому, считает Нива, родиной Набокова стала межъязыковая игра, а «Дневник в стихах» Н. Оциупа весь, от лексики до строфики, пронизан «каким-то культурным странничеством». С темой «перевербовки», затронутой Ж. Нива, перекликается исследование М. Окутюре о Владимире Вейдле. В знаменитом трактате Вейдле «Умирание искусства» французский литературовед видит попытку «перенести на французскую почву эстетическую мысль, выросшую из развития русского искусства и русской религиозной философии». И в самом деле, М. Окутюре убедительно показывает, как на материале преимущественно французской словесности — творчества М. Пруста, П. Морана, А. Жида, П. Клоделя Вейдле развивает собственные философские и эстетические идеи, генетические корни которых — русский Серебряный век с его символизмом и русский религиозный ренессанс XX столетия. Таким образом, Вейдле, как пишет о нем М. Окутюре, это и «замечательный французский писатель-эссеист», и одновременно русский писатель, пересаженный на иностранную почву.

Целый ряд статей посвящен конкретным авторам — оказавшимся за рубежом писателям, критикам, поэтам, в чьем творчестве нашло свое преломление французское литературное влияние. Все эти исследования чрезвычайно интересны уже потому, что многое прибавляют к привычным историко-литературным знаниям. Так, например, статья Г. Армаганян-Ле Бю, можно сказать, раскрывает франкоязычную Цветаеву, которая ничем не уступает Цветаевой русскоязычной. Проведя параллельный анализ поэм «Молодец» и «Le Gars», исследовательница приходит к выводу, что «Le Gars» — это не просто удачный автоперевод, но «поистине поэтическое создание, которое имеет право претендовать на принадлежность к французской поэзии». Поэтика «французской» Цветаевой, считает автор работы, столь же блестяща, сколь поэтика Цветаевой «русской», но ее черты остаются прежними, ведь эксперименты Цветаевой со словом развивались в том же направлении, что и европейский модернизм. Посвящена Цветаевой, вернее, творческой связи, творческой перекличке Цветаевой с французскими писателями и статья Л. А. Мнухина, очень живая и познавательная, где в противовес закрепившемуся мнению об охлаждении Цветаевой к французской литературе в парижский период ее жизни приводятся неопровергимые доказательства постоянного интереса и постоянного контакта русского поэта с французской классикой. Наиболее родственным цветаевскому мироощущению, по мнению Л. А. Мнухина, было мироощущение Ромена Роллана.

К творчеству А. Ремизова обращены статьи А. М. Грачевой, Е. Р. Обатиной, Г. Слобин, рассматривающие литературные поиски этого глубоко русского художника в контексте французского сюрреализма (первые две работы), в контексте «двойного» двуязычного сознания эмигранта (представленный Г. Слобин анализ рассказа «Индустриальная подкова»). В качестве примечания укажем, что по отношению к основным тезисам А. М. Грачевой и Е. Р. Обатиной о совпадении, схождении Ремизова с А. Бретоном и другими сюрреалистами полемически звучит тезис Ж. Нива о том, что судьба Ремизова подтверждает скорее драматизм «невстречи» русской эмиграции и французской культуры, ведь русский писатель так и остался незамеченным наиболее близкими ему французами (например, поэтом и художником Анри Мишо), да и сам прошел мимо них.

История ухода в мир западной культуры поэта-символиста Вяч. Иванова и художника Юр. Анненкова последовательно раскрыта в статьях А. Б. Шишкина и И. В. Обуховой-Зелиньска. О влиянии дадаистов на творчество и мировоззрение Сергея Шаршуна пишет А. Морар. На родственном понимании любви в творчестве З. Гиппиус и Ш. Деренна останавливается М. М. Павлова. В статье Т. В. Викторовой воссоздается новый облик К. В. Мочульского — критика и знатока французской литературы, переводчика, пропагандиста французской культуры. Восприятию французской культуры другим выдающимся литератором — Г. Адамовичем — посвящена интереснейшая статья О. А. Коростелева. В ней эволюция предпочтений и отношения к франкоязычному литературному миру поэта и критика Г. Адамовича — от убежденного франкофильства и «литературного западничества» к спокойному скептицизму и сочувственно-му пониманию славянофилов — рассматривается как одна из форм и проявлений его внутренних духовных изменений.

Наконец, можно выделить и еще один тематический блок исследований — работы, посвященные «молодым» авторам зарубежья, чей «взгляд» на французскую литературу 1920—1940 гг. оказался, безусловно, самым пристальным и, быть может, самым плодотворным. Не случайно в этой связи такое большое внимание к Борису Поплавскому — целых три статьи, причем каждая рассматривает во «французском» генезисе его творчества какой-то один элемент: влияние П. Валери (Д. В. Токарев), А. Жарри (В. Хазан), Луи Арагона (О. А. Каменева). Не случайно и две очень глубокие, концептуальные статьи Т. Н. Красавченко и М. А. Васильевой посвящены эстетическому и, в общем, историческому, даже экзистенциальному французскому контексту, в котором существовали и который в какой-то мере предопределяли писатели русско-эмигрантского «незамеченного поколения».

Т. Н. Красавченко в своей статье соотносит творчество писателей-младоэмигрантов с таким знаковым для эпохи 1930-х гг. романом, как «Путешествие на край ночи» Л.-Ф. Селина. «Селиновское эхо» ощущимо, как считает исследовательница, в прозе В. Яновского, Ек. Бакуниной, Г. Иванова, Г. Газданова, В. Набокова, где та же иллюзия документальной правдивости, то же умение взглянуть ужасной правде в глаза, тотальное разочарование, понимание абсолютной непроницаемости человека. Однако сравнение с Селином, его стилистикой и мироощущением по ходу анализа как лакмус выявляет совсем иной (не селиновский) потенциал русских молодых авторов, основой которого Т. Н. Красавченко называет сохранение «христианских нравственных императивов» — «любви к ближнему, неприятия животно-плотского, бездухов-

ного начала, корысти». У русских современников Селина, по мнению автора статьи, сохранился по отношению к западной культуре «мощный иммунитет», «направленный не столько против нее, сколько порожденный “инстинктом самосохранения”, опасением утраты своей идентичности», ядром этого иммунитета была «традиция русской культуры», органичная для поколения эмигрантских «сыновей».

Почти парадоксальным вопросом задается в своей работе М. А. Васильева: «насколько могло быть замечено французской литературой поколение, которое вошло в историю как незамеченное». Отвечая на него, автор приходит к выводу, что жизнь русских эмигрантов, а прежде всего стиль и образ жизни младшего эмигрантского поколения в Париже, все же были замечены и сыграли определенную роль «в формировании ментальной среды межвоенной Франции». В качестве подтверждения этого «тайного присутствия» русской эмиграции во французской литературе М. А. Васильева обращается к прозе Патрика Модиано, где русский эмигрант становится «частью действительности» и где сам феномен «незамеченности» делается достоянием иной эпохи, иных поколений.

В заключение отметим, что ряд статей снабжен замечательными научными приложениями, уникальными архивными фотографиями. Вообще же, думается, сборник «Русские писатели в Париже» станет серьезным вкладом не только в изучение масштабов и тенденций невольной интеграции русской эмигрантской культуры в культуру Франции, но и в дело научного осознания тех многосложных социокультурных процессов взаимообмена, которые неизбежно привлекают всеобщее внимание в эпоху нарастающей глобализации.

Рецензия поступила в редакцию 17.09.2008 г.

Д. А. Редин

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Рец. на кн.: Соболева Л. С. Рукописная и старопечатная книга Древней Руси : учеб.
пособие. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. — 312 с.

Учебное пособие «Рукописная и старопечатная книга Древней Руси» — работа, имеющая ярко выраженный междисциплинарный характер, всесторонне раскрывающая сложный феномен книжности — одну из структурообразующих систем национальной культуры. Нет нужды специально доказывать теснейшую связь, существующую между филологическими и историческими науками; успех лучших и наиболее продуктивных отечественных и зарубежных исторических школ основывался и основывается прежде всего на первоклассной филологической подготовке их представителей; наиболее яркие и интересные работы филологов самых разных специализаций (историков литературы, текстологов, лингвистов и др.) невозможны без основа-